

Юрий Николаевич ПОГОРЕЛЬСКИЙ

родился в 1946 году.

Стихи публиковались в журналах

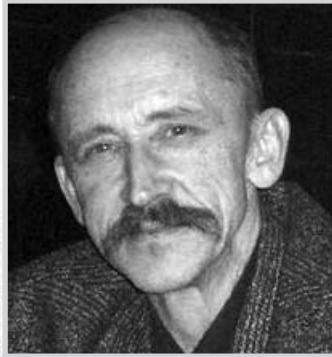
«Литературные незнакомцы», «Новый берег».

Автор поэтических книг

«Я вспоминаю то, что было
и чего не было со мной...» (2002), «Птицелов» (2004).

Живет и работает в подмосковном Красногорске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

**Юрий
ПОГОРЕЛЬСКИЙ**

г. Красногорск,
Московская область

«ПЛЕННЫХ

НАДО КОРМИТЬ...»

* * *

Ты взяла меня в плен,
как лавина настигла, врасплох,
проутюжив изгибами тела мою оборону.
Обезврежен и смят,
словно скошенный чертополох,
и не вороны в небе кружат надо мной,
а вороны.

Ты взяла меня в плен,
обнесла частоколом ресниц.
Пленных надо стеречь,
чтобы не разбежались, шакалы:
жить привыкли внутри
обведенных помадой границ.
Ты продумала всё,
у тебя в этом опыт немалый.

Пленных надо кормить,
и ты баснями кормишь меня,
а от них мне не хочется петь,
только сыто мурлыкать.

И не верится мне,
что когда-то был полон огня
и ложилось в строку
безболезненно всякое лыко...

* * *

Стану жёлудем гладким,
на солнце нагрею бока,
подгадаю момент,
упаду и к ногам подкачусь.
Ты нагнешься, возьмешь
и, ладонью меня приласкав,
в свой опустишь карман.
Ну, а большего я не хочу.
Буду тихо лежать,
ощущая бедро при ходьбе,
подаваясь навстречу
подушечкам ласковых пальцев,
предаваясь мечтам,
благодарный безмерно судьбе,
что позволила стать
ненадолго твоим постояльцем.
Буду в душном шкафу
по тебе я томиться потом,
вспоминая, как был
я востребован, зелен и молод.
А когда по весне
ты достанешь проветрить пальто,
обнаружишь в кармане
коричневый сморщенный жёлудь.

ОРЕШНИК

В ту ночь, когда орешник долу гнулся,
стенали ветлы в лесополосе,
я вышел из себя и не вернулся.
Отсутствие заметили не все.
Возможно, я в провалах подсознания
с разбитой головой лежал в пыли.
Эх, кабы знать, где упадешь, заранее,
матрас или соломку подстелил.
А может быть, у камня на распутье
стоял, и голова была цела,
куда угодно мог еще свернуть я,
но ни одна дорога не вела
домой, не обещала возвращенья
туда, где был забыт и одинок,
где мог бы выбить, вымолить прощенье
за то, что сделать никогда не мог.

* * *

Когда любовь становится грехом,
она уже прочитанная повесть,
засиженная прозой жизни, то есть —
ей никогда уже не стать стихом.

Когда любовь становится стихом,
пусть даже далеко не самым лучшим,
но это именно тот частный случай,
когда не суждено ей стать грехом.

КОД

Спустилась ночь, не чуждая соблазнов.
Дома-удаваы окнами стоглазно
подмигивали, лязгали дверьми —
они привыкли ужинать людьми.

А я стоял у твоего подъезда,
о ноги терся Мур — соседский кот,
мяукая противно и нетрезво,
он, как и я, запомнил код.

* * *

Ты каждый раз
такая разная.
Ты не для будней мне,
для праздников.
Ты для души моей
отдушина.
Но, словно яблоко,
надкушена
моя душа
твоими ласками.
Я на нее гляжу
с опаскою,
как корчится она
от нежности,
и привыкаю
к неизбежности —
мы друг для друга
просто созданы,
но встретились
с тобою поздно мы...

* * *

Ты не перебивай моё молчание своим,
дай одному мне намолчаться вдосталь.
Тем более, о разном мы молчим,
попасть в одно молчание непросто.

Твоё молчанье тягостно вдвойне,
всегда ложится на душу укором.
И, несомненно, отольётся мне
надрывным, бесполезным разговором.

Молчание выцеливает нас,
как жерла притаившихся орудий.
Но ты молчишь о том, что есть сейчас,
а я о том, что завтра с нами будет.